

Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России

С. И. Черных¹, А. А. Изгарская²✉

¹Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

²Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

✉aizgarskaya@gmail.com

Введение. Современное образовательное пространство в условиях приближения VI технологического уклада трансформируется под влиянием многих факторов. Определяющими из них являются технологические прорывы, качественно изменяющие образовательные практики. Глобализация рынка образовательных услуг, развивающееся экономическое неравенство и неравные возможности в разных регионах заставляют людей мигрировать в поисках оптимальных образовательных условий. В свою очередь образовательная миграция все более превращается в экономический механизм извлечения прибыли и становится для региональных образовательных систем своеобразным индикатором их конкурентоспособности. Изучение процессов образовательной миграции становится актуальным. В статье анализируются современные тенденции и особенности образовательной миграции в России.

Методология и источники. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход. Ряд установок представлен в рамках социокультурного и деятельностного подходов (Н. Ю. Харари, Дж. Найт), экономического пласта рассмотрения проблематики, связанной с теорией миграционных процессов (Э. Г. Равенштейн, Э. Ли, М. Пиоре, И. Валлерстайн), исследованиях российских экономистов, политологов и социологов (А. Н. Джуринский, И. В. Ивахнюк и др.).

Результаты и обсуждение. История формирования национального академического капитала показывает, что сегодня интернационализация является ведущим трендом в его развитии, наряду с экономической, технологической и интеллектуальной составляющими. Это означает, что образовательная миграция как часть процесса интернационализации становится показателем конкурентоспособности региональных образовательных систем. Общая тенденция прослеживается достаточно четко: чем выше качество предоставляемых образовательных услуг и комфортнее экосистема образовательного пространства, тем актуальнее вектор миграции в данный регион. Этот тренд только начали исследовать в России. Но уже очевидно, что состояние регионального образовательного пространства страны имеет явно «перекошенный» характер, а проводимая государственная образовательная политика, далеко не всегда способствуют его оптимизации.

Заключение. Для реализации позитивного потенциала образовательной миграции и преодолению ее негативных последствий необходимо: проведение многофакторного анализа процессов миграции, не только на уровне отдельных вузов и регионов, но и в общероссийском масштабе; формирование такой экосистемы образования в регионах, которая позволила бы сократить разрыв между «центром и регионами», а также между «вузами-лидерами» и «вузами другой весовой категории».

Ключевые слова: философия образования, образовательная миграция, экосистема образования, образовательная мотивация, образовательная конъюнктура.

Для цитирования: Черных С. И., Изгарская А. А. Тенденции и особенности образовательной миграции в современной России // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 15–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.02.2020; принята после рецензирования 10.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Trends and Peculiarities of Educational Migration in Modern Russia

Sergey I. Chernykh¹, Anna A. Izgarskaya²✉

¹*Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk Military Institute named after General of National Guard Troops,
Novosibirsk, Russia*

✉aizgarskaya@gmail.com

Introduction. The modern educational space are transformed under the influence of many factors in the conditions of approaching V techno-economic paradigm. The determining factors are technological breakthroughs that qualitatively change not only educational practices, but also the nature of the educational space. The globalization of the educational services market, the growing economic inequality and the inequality of opportunities in different regions force large numbers of people to migrate in search of optimal educational conditions. In turn, the educational migration is increasingly turning into an economic mechanism for generating profit and it is becoming a kind of indicator of the regional educational systems' competitiveness. The study of these processes is relevant today. The authors analyze the current trends and peculiarities of education migration in Russia.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is the interdisciplinary approach. The range of attitudes has already been set forth within the framework of sociocultural and activity approaches (N. Yu. Harari, J. Knight), the economic layer of considering problems related to theory migration processes (E. G. Ravenstein, E. Lee, M. Piore, I. Wallerstein and others), studies of Russian economists, political scientists and sociologists (A. N. Dzhurinsky, I. V. Ivakhnyuk, etc.).

Results and discussion. The history of the national academic capital formation shows that today internationalization is a leading trend in its development along with the economic, technological and intellectual components. This means that educational migration as part of the internationalization process is becoming an indicator of the regional educational systems' competitiveness. The general trend can be traced quite clearly: the higher quality of the educational services is provided and the ecosystem of the educational space is more comfortable, then the vector of migration is more relevant to this region. This tendency has just begun to be studied in Russia. But it is quite obvious today that the regional Russian educational space is clearly "skewed", and the state educational policy carried out is not always contributing to its leveling.

Conclusion. There is a necessity for the realization of the positive potential of educational migration and the overcoming of its negative consequences: multivariate analysis of the processes of educational migration, not only at the level of individual universities and regions, but on all-Russian scale; the formation of such an education ecosystem in the regions, which would reduce the gap between the "Centre and the regions" and as well as between "universities leaders" and "universities of more lightweight category".

Key words: philosophy of education, educational migration, education ecosystem, educational motivation, educational conjuncture.

For citation: Chernykh S. I., Izgarskaya A. A. Trends and Peculiarities of Educational Migration in Modern Russia. DISCOURSE. 2019, vol. 6, no. 2, pp. 15–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-15-28 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.02.2020; adopted after review 10.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. К началу XXI в. финансовый объем мирового рынка образовательных услуг достиг более 50 млрд долларов, а конкурентоспособность национальных образовательных систем и отдельных вузов стала напрямую зависеть от количества привлеченных к обучению студентов. Быстрое развитие как внешнего, так и внутреннего процессов образовательной миграции заставило исследователей не только поставить ее на второе (после трудовой миграции) место, но и уделить ее изучению большее внимание. Слабая управляемость образовательными миграционными потоками определила не только возрастание научного интереса, но и потребовала государственного регулирования этих процессов, получивших общее название «интернационализация образования». В 2003 г. Дж. Найт определила интернационализацию образования на национальном, отраслевом и институциональном уровнях как «процесс интеграции международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции или обеспечение высшего образования» и представила (чуть позже) характеристики двух видов образовательной миграции: внутренней и внешней [1, с. 2; 2, с. 22]. Исследователи образовательных миграционных потоков (как отечественные, так и зарубежные) сегодня приходят к одним и тем же квалификационным характеристикам этого процесса, все более приобретающего глобальный характер. Среди них все чаще называют: динамизм, инновационность, асимметричность и стихийность. Многие говорят и пишут о том, что именно образовательная миграция предполагает в качестве одной из главных имманентных потенций борьбу за установление (экспорт) профессиональных и человеческих ценностей и смыслов страной или регионом, экспортирующих образовательные услуги [3, 4]. В настоящее время концепт «образовательная миграция» все чаще заменяется концептом «образовательная мобильность» [5]. В немалой степени это связано не только с упрощением условий собственно миграции «за образованием», но и цифровизацией образовательных практик в преимущественной форме онлайн-обучения [6, 7].

Сегодняшние теоретические концепты миграции базируются в основаниях прежних и началах современных теорий. Социокультурные исследования реализуются либо в теориях ассимиляции (Р. Парк, Э. Берджесс), чаще в теориях мультикультурализма (Ч. Тэйлор, У. Кимлика, Ч. Кукатас, В. Коблер, Р. Латте и др.), еще чаще в теориях транснационализма (Ш. Глик, С. Каслз, А. Портес, Т. Файст). Общим для них являются утверждения о том, что образование, как и макроэкономика, становится механизмом, углубляющим процессы глобализации и регионального неравенства [8]. Наиболее представительными социологическими теориями миграции являются концепты трудовой миграции. Еще в конце XIX в. Е. Равенштайн сформировал свои знаменитые 11 законов в работе «Законы миграции», которые в разных интерпретациях легли в основания эконометрики Э. Ли и неоклассических теорий миграции М. Фридмана, П. Самуэльсона, Ю. Н. Харари, Д. Масси, Дж. Аранго,

Г. Хьюго и др., а также теории двойного рынка труда М. Пиоре [9]. Тезисы о трудовой миграции как о факторе формирования мировой системы разделения труда и тезисы о роли образования в закреплении глобального и регионального неравенства обосновываются в миросистемном подходе (И. Валлерстайн, А. Самин, М. Деметер и др.). Российские исследователи образовательной миграции (А. В. Демина, И. В. Ивахнюк, А. В. Старикова, А. С. Мاستикова, Е. С. Вакуленко, Г. Лукичев, К. А. Дьячкова, Д. С. Зуева, А. Ю. Плешакова и др.) часто используют методологию исследований зарубежных авторов для изучения и теоретического представления российской специфики основных видов миграции. Однако и у зарубежных, и отечественных исследователей прослеживается тезис о том, что и трудовая, и образовательная миграция (по крайней мере, в региональном аспекте непременно) связаны с развитием человеческого капитала. Поскольку современное российское образование и наука переживают период периферизации и укрепления социального неравенства, постольку академическая мобильность может экстраполировать эти характеристики «на себя» [4].

Методология и источники. В основе подхода авторов к анализу процессов академической мобильности в условиях трансформации современного российского образовательного пространства лежат конструкты И. Валлерстайна, М. Деметера, Т. Шотта, Дж. Найт, а также некоторые методологические основания из исследований отечественных авторов (И. В. Ивахнюк, А. Н. Джурицкий, О. А. Чикова, серия коллективных монографий «Российское образование: достижения, вызовы и перспективы», научными редакторами которой выступают Я. И. Кузьминов и И. Д. Фрумин). Следует заметить, что подавляющее большинство отечественных исследователей реализует тот реестр методов, который «составила» Дж. Найт в своей работе «Пять правдивых тезисов об интернационализации» 2012 г. Она выделила в качестве основных деятельностный, компетентностный, этический и стратегический методы. А. В. Старикова, предприняв попытку историографического анализа работ отечественных исследователей образовательной миграции, пришла к заключению о том, что наиболее часто обсуждаемой проблемой является международная образовательная миграция. И, наоборот, «миграция в разрезе внутрироссийских потоков рассматривается значительно реже, в основном, на примерах отдельных вузов ... и реже на уровне регионов» [9, с. 64].

Результаты и обсуждение. Для начала введем некоторые ограничения. Первое: «академическая мобильность» как понятие имеет значительно более широкое содержание по отношению к понятию «образовательная миграция». Последнее специфицируется в дальнейшем как перемещение специализированных образовательных субъектов (индивидов) в пространстве поселения, региона, страны, за пределами страны и определяемое желанием учиться или переучиться (получить образование или усовершенствовать имеющееся). Под образованием мы будем понимать обучение. Второе обусловлено нашим убеждением в том, что обучение и образование отлично как индивидуально (потребности индивида), так и социально (потребности социума). Третье: и в варианте мобильности, и в варианте миграции обучение (а равно и образование) следует рассматривать как сложный взаимно интегрированный процесс, регулятором которого выступает индивидуальное и общественное благо [10, 11]. Четвертое: образовательная миграция, происходящая сегодня, хотя и направлена в целом на увеличение эффективности человеческого капитала (в основном в его трудовой и интеллектуальной форме) не может рассматриваться исключительно как позитивное соци-

альное явление. И пятое: в дальнейшем (сохраняя пределы статьи) мы будем рассуждать об учебной миграции, ограниченной географическим пространством России и социальной возрастной группой, определяемой теорией поколений Хоува-Штраусса как «поколение Z», т. е. рожденных в промежутке 1995–2012 гг. (в трактовке Джин Твендж, американского психолога, подчеркивающей различный характер временных границ между поколениями) [12].

В свое время Дж. Найт разделила весь объем образовательной миграции как социального феномена на две части: внешнюю и внутреннюю [2]. Внешняя больше выражалась как академическая мобильность, внутренняя как перемещения субъектов внутри региона (страны). На самом деле, как это демонстрирует социология, эти части перемешиваются, образуя некую третью форму образовательной миграции, особенно в части получения магистерских степеней. Но это тема отдельного исследования.

С позиции миросистемного подхода объяснение внутренних процессов, протекающих в обществе, должно исходить из факторов, характерных для системы, в которую данное общество включено. Опираясь на этот методологический принцип, дадим характеристику процессам образовательной миграции, наблюдаемых в России. После распада СССР страна в конкурентной борьбе пытается встроиться в мировую систему разделения труда. В этом процесс российская система образования испытывает влияние двух противоположных тенденций. Во-первых, возникло противоречие между узкоспециализированным сырьевым экономическим базисом и доставшейся России в наследство системой образования, ранее служившей задачам многоотраслевой советской экономики. Проводимые государством реформы в области организации науки и образования (не только высшего), по своей сути, нацелены на устранение данного противоречия посредством закрытия, сокращения, слияния научных и образовательных организаций. Во-вторых, советская/российская образовательная система, будучи в советский период одной из передовых, имея огромный потенциал и широчайший спектр специализаций, оказалась востребованной на международном рынке образовательных услуг. Данная тенденция нашла отражение в политике государства, например, во введении таких индикаторов оценки эффективности работы вузов, как «доля иностранных студентов», «доля/число программ, реализуемых на иностранных языках» и ряда других. Таким образом, одна тенденция ведет российскую систему образования к сокращению спектра образовательных услуг, а успех и устойчивость другой, исходящей не из возможностей российской экономики, а из потребностей мировой системы разделения труда, зависит от многообразия этих услуг и их соответствия требованиям мирового рынка. Сегодня сложно увидеть, какая тенденция возьмет верх в политике российского государства, но первая просматривается наиболее отчетливо. Попробуем кратко описать сложившуюся ситуацию.

Внешняя и внутренняя образовательные миграции являются повседневностью современной России. Сегодня, с одной стороны, численность российских студентов, обучающихся за рубежом, приближается к 70 тыс. Германия, США и Чехия наиболее востребованные в этом отношении страны. Обращает на себя внимание то, что высокая стоимость обучения в зарубежных вузах очень удачно компенсируется гибкой системой оплаты и грантовой поддержкой. В России, как правило, система оплаты линейная, а грантовую поддержку заменяет «родительская помощь» [13, 5]. Российская семья, судя по данным Росстата, задействована в воспроизводстве кадров с высшим образованием не меньше, а больше чем государство. Так, обращает на себя внимание, что в 2016 г. в России выпусти-

ли бакалавров, магистров и специалистов 972,4 тыс. человек, в 2017 г. – 823,3 тыс., из них «по договорам об оказании платных образовательных услуг» 540,1 тыс. и 418,2 тыс. человек соответственно [14, с. 198; 15, с. 199]. Уровень образовательной миграции в России также зависит от уровня финансовых возможностей семьи. Приведем пример. До 2012 г. в России для абитуриентов военных вузов существовала льгота – бесплатный проезд к месту сдачи вступительных экзаменов. В 2012 г. Министерство обороны РФ отменило эту льготу. Контингент военных вузов в большей мере составляют выходцы из небогатых семей, и родители не смогли взять на себя финансовую нагрузку образовательной миграции, в связи с этим военные вузы на протяжении нескольких лет испытывали резкий спад потока абитуриентов. «Больше всего пострадали морские и общевойсковые высшие учебные заведения на Дальнем Востоке, где готовят специалистов редких военных специальностей» [16]. В 2018 г. Министерство обороны приняло решение вернуть льготу. Очевидно, что российская молодежь, для которой образовательная миграция порой является единственным способом вырваться из родного, но экономически депрессивного региона, поступая в удаленные от родительского дома «гражданские вузы» имеет значительно больше проблем чем находящиеся на полном государственном обеспечении курсанты военных вузов, и ситуация больше способствует развитию процессов первой тенденции.

С другой стороны, количество заявок от абитуриентов из-за рубежа на обучение в России в 2019 г. возросло на 20 % (почти 115 тыс.), а в Федеральном проекте «Экспорт образования» ставится задача довести к 2024 г. эту цифру до 435 тыс. [17]. Учитывая, что экспорт образования пополняет бюджеты российских высших учебных учреждений, данная перспектива может рассматриваться как положительная и способствующая второй указанной выше тенденции. Однако ситуация не так проста. Есть вопросы, которые вызывают тревогу. В России на 2017 г., по данным OECD, на каждого уехавшего учиться за рубеж россиянина приходилось четыре иностранных студента [18, с. 230]. В сравнении со статистикой, используя терминологию миросистемного подхода, для стран ядра миросистемы ситуация в претерпевающей процесс периферизации России выглядит удовлетворительно. Количество международных или иностранных студентов на одного национального студента за границей: в США – 14, Великобритании – 13, Франции – 3, Германии – 2. Однако, исходя из данных OECD, видно, что 55 % иностранных студентов России являются выходцами из соседних стран. Для сравнения, процент иностранных студентов, приезжающих из соседних стран составляет: в США – 5 %, Великобритании – 11 %, Франции – 16 %, Германии – 15 % [18, с. 230]. Иными словами, образовательные услуги этих стран востребованы во всем мире. По данным Росстата основной успех экспорта российского образования «на условиях общего приема» обеспечивают азиатские государства СНГ: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан. Сегодня российские вузы являются конкурентами вузов стран бывшего СССР. По данным казахских ученых, «вузы Восточного Казахстана в неравном бою проигрывают ближайшим образовательным центрам, расположенным в таких российских городах, как Барнаул, Новосибирск, Томск» [19, с. 279].

Отечественная система образования легко выдерживает конкуренцию на постсоветском пространстве. Например, российскими студентами на 2017 г. являются 52,7 тыс. граждан Республики Казахстан. Вполне возможно, что в условиях демографического спада приток иностранных студентов из стран СНГ снизит разрушительный эффект сырьевой

экономики, нивелирующей остатки системы образования, которая когда-то успешно обслуживала многоотраслевую советскую экономику. Однако следует отметить, что прибалтийские страны, Грузия, Украина сегодня в меньшей степени заинтересованы в российских вузах. Уменьшается количество студентов из Республики Беларусь. В 2010 г. в российских вузах училось 21 тыс. белорусских граждан, в 2017 г. этот показатель сократился до 7,3 тыс. человек [15, с. 200]. По-видимому, молодежь этих бывших советских республик тяготеет к получению образовательных услуг в странах Запада. Смогут ли российские вузы и дальше успешно конкурировать в области экспорта образовательных услуг на постсоветском пространстве, выполнять требования по установленным государствам индикаторам, и, соответственно, получать дополнительные ресурсы для развития своих образовательных потенциалов и научных школ? Пока оставим этот вопрос без ответа.

В целом из данных Росстата на сегодняшний день отчетливо видно, что экспорт российского образования успешен в периферийных и полупериферийных странах [15, с. 200]. Население миросистемной полупериферии и периферии многочисленное и, удерживая относительно низкие, по меркам большинства этих стран, цены на образовательные услуги, можно еще долго при благоприятных условиях внешней политики увеличивать приток иностранных студентов в Россию. Как скажется все это на качестве и статусе российского образования? А если демографы правы, и к 2034 г. страну ждет резкое увеличение числа молодежи, не окажутся ли российские выпускники школ и их родители, имеющие в большинстве своем скромные финансовые возможности, в ситуации жесткой конкуренции за получение высшего образования с иностранными студентами? Судя по состоянию дел в ведущих российских экспортных отраслях, функционирующих по принципу «Сами не доедем – но вывезем», такая тенденция не должна исключаться, тем более что число вузов в России с 2010 г. было сокращено с 1115 до 766 организаций (см. подробнее [15, с. 200]). Показательной в этом плане оказывается ситуация с обсуждением проблемы строительства студенческих межвузовских кампусов. Считается, что без удобных, соответствующего мировым стандартам проживания кампусов российские вузы не смогут выполнить поставленную перед ними задачу по привлечению иностранных студентов. С этим надо согласиться, но возникает вопрос, почему проблему стали поднимать только тогда, когда речь зашла о студентах, приезжающих из-за рубежа? А как же большая часть российских студентов, они могут жить в общежитиях, соответствующих стандартам 1970–1980 гг.? Или появятся более благоприятные условия для увеличения потока талантливой российской молодежи в зарубежные вузы?

В самой России сегодня 496 государственных и 245 негосударственных вузов и в 2020 г. Российская Федерация будет отмечать 265 лет со дня подписания императрицей Елизаветой указа об организации первого университета. Восемь федеральных университетов, порядка 40 опорных и порядка 30 научно-исследовательских университетов, академии и институты – основные структуры российского высшего образования. Прокатившаяся по образовательному пространству России волна оптимизации (2010–2018 гг.) «ликвидировала» большое количество государственных и негосударственных вузов с их филиалами. При этом оптимизация как попытка привести в соответствие образовательную сферу экономическому базису страны имела и обратную сторону, а именно: она резко сократила пространственную доступность практически всех типов образовательных учреждений по всей стране. Для высшей школы, по свидетельству Н. К. Габдрахманова, это выглядит следующим образом.

В трех субъектах Российской Федерации вообще отсутствуют головные вузы, в семи субъектах – представлен только один головной вуз, зато в некоторых городах и регионах их десятки и даже сотни. В Москве сегодня 21 % всех вузов страны, а в Санкт-Петербурге – 8 % [20]. Аналогичная картина наблюдается и в сельской местности со средними школами – основными поставщиками средних специальных учебных заведений, а также дистанционной и заочной форм высшего образования. И если до 2024 г. демографы прогнозируют снижение численности возрастной группы от 17 до 21 г., то к 2034 г. численность этой группы может увеличиться на 45 %. Подобная ситуация требует тщательного анализа связей «школа – вуз» и «вуз – рынок труда» со всеми нюансами, особенно образовательной миграции. Именно она может сегодня выступать как катализатор развития региональных рынков труда, а может радикально «тормозить» экономическое и интеллектуальное развитие регионов, в которых отсутствуют реальные возможности получения образования.

Тем не менее, большинство исследователей акцентируют внимание на усилении потенциала образовательной миграции внутри российского образовательного пространства, хотя статистика это не всегда подтверждает. Перемещение по стране (без учета иностранных граждан) составляет ориентировочно около 4 млн человек. Из них перемещения, связанные с обучением (разных форм и уровней) составили: в 2011 г. – 8,1 % от общего количества, в 2015 – 16,9 %, в 2018 г. – опять 8,1 %. Элементарный подсчет показывает, что (при сохранении в среднем 4 млн мигрантов) образовательная миграция (внутри и межрегиональная) составила в 2015 г. (на «пике» сокращения учебных заведений) 650–680 тысяч человек, а в 2018 г. – 360 тыс. человек [21]. И. В. Ивахнюк в своих «Предложениях к миграционной стратегии России до 2035 года» выделил три основные группы причин, вызвавших сокращение учебной миграции:

1) экономические (средняя стоимость обучения в российских вузах составляет 90 тыс. руб., что для большинства российских семей даже без учета оплаты проживания ребенка в другом городе оказывается неподъемной задачей);

2) мотивационные. Происходит (в течение последних пяти лет особенно) падение спроса на высшее образование как со стороны выпускников школ, так и со стороны работодателей. По некоторым свидетельствам из выпускников школ 2019 г. примерно 40 % поступили в вузы и примерно столько же в средние специальные учебные заведения [22];

3) социально-психологические (отношение к мигрантам в учебных заведениях принимающих регионов) [23].

Однако сегодня в рамках официальной государственной политики неявно формируются, по меньшей мере, еще два фактора, обуславливающих рост потенциала учебной миграции. К ним следует отнести дифференциацию вузов по выполнению аккредитационных показателей и уровень бюджетного финансирования. Дифференциация вузов получила всесторонний анализ в дискуссии «Ландшафт образования» в рамках VI ежегодной национальной выставки «Вузпромэкспо–2019». И тогда же сформулирована новая «конструкция» по «делению конкуренции» между вузами. Образовательная экосистема России была (по выполнению показателей, в том числе и финансированию) вполне справедливо определена директором Департамента проектной деятельности Минобрнауки А. Зарубиным как «разнородная, но центробежная». В подтверждение чему он привел следующие факты: «В 36 регионах главные вузы вообще не имеют федерального статуса, а 49 университетов

не выполняют два и более показателей. На поддержку вузов уже направлено 70 млрд руб., новых денег для отстающих взять неоткуда, а тех, у кого все хорошо, тоже нельзя лишить финансирования, не рискуя сдать позиции. При этом в стране есть 256 вузов, в которых по данным мониторингов все нормально, но они остаются довольны удовлетворительным результатом и не стремятся совершенствоваться, так как внутренних стимулов нет» [24].

Можно предположить, что именно эти группы факторов (приемлемые затраты на обучение и проживание, сформированность мотивации потенциальных абитуриентов, уровень социально-психологического комфорта, статус вуза, уровень и объем его финансирования) обуславливают приоритетность одних регионов перед другими в сфере привлечения абитуриентов. Вузы России активно конкурируют между собой за абитуриента. При этом наиболее крупные вузы, расположенные на периферии, стремятся противостоять оттоку талантливой молодежи в Москву и Санкт-Петербург, создавая, таким образом, центробежную тенденцию в образовательной миграции. Окончательно эта тенденция оформилась (не берем в расчет «селекционную конкуренцию», организованную в 70–80 гг. XX в.) к 2013 г. В 2017 г. в соответствии с данными Росстата в России сформировалось десять центров, аккумулировавших более 100 тыс. студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Помимо Москвы (736,3 тыс. чел.) и Санкт-Петербурга (293,4 тыс. чел.) такими центрами стали: Татарстан (153 тыс. чел.), Ростовская область (138,6 тыс. чел.), Свердловская область (121 тыс. чел.), Краснодарский край (119,5 тыс. чел.), Новосибирская область (105,6 тыс. чел.), Башкортостан (105,4 тыс. чел.), Самарская область (102,8 тыс. чел.), Челябинская область (101,3 тыс. чел.) [14, с. 176–178]. При определенных условиях наличие в регионах трудовых ресурсов с высшим образованием может стать важным фактором успешного развития обширной российской периферии.

Проблемы роста образовательной миграции, формирования академического капитала образовательных систем разных уровней, взаимосвязи этих проблем с проблемами развития региональных образовательных экосистем стали изучаться сравнительно недавно. Но уже очевидно, что как внешняя, так и внутренняя образовательные миграции растут быстрыми темпами. Отчетливо видно, что успех образовательной организации в конкуренции на региональном и глобальном уровнях зависит от степени ее развитости как научно-образовательного центра. Образовательная система в России переживает перманентное состояние трансформаций и реформ с целью приведения ее в соответствие мировым образцам и стандартам. Однако даже там, где есть успехи, результаты не носят системного характера. Это происходит, по нашему мнению, потому, что из области анализа перспектив отечественного образования исключена одна из базовых проблем. Поясним ее. Известно, что в советский период развития системы отечественного образования профильные вузы и средне-специальные учебные заведения, как правило, располагались в непосредственной близости к местам производства и обеспечивали данные производства кадрами. Перекосы в современных образовательных экосистемах российских регионов сформировались в результате распада этих связей и, в сущности, являются отражением «перекошенного» характера всей российской сырьевой экономики, ориентированной на внешний рынок.

Заключение. Сама по себе типологизация учебной миграции может проводиться по разным основаниям. Однако (согласно формальной логике) одно из правил операции деления понятий говорит о том, что деление должно производиться по одному основанию. На

наш взгляд, одно из наиболее рациональных оснований определяется как «пространственное перемещение». Дж. Найт выделила внешнюю и внутреннюю миграцию. Не затрагивая внешнюю, внутреннюю можно разделить на миграцию «внутри» субъектов Российской Федерации и межрегиональную, которая характеризуется переездом на учебу в другие регионы. Мотивы и желания, определяющие миграционные процессы достаточно многообразны. Но развитие и совершенствование ЕГЭ, а в последнее время распространение образовательных практик дистанционного обучения в различных видах («центр – периферия»; «вуз – школа»; цифровые платформы и др.) сохраняют и даже укрепляют традиционную мотивацию перемещающихся и определяют частичное сокращение их количества. Последний опрос ВЦИОМ вполне это продемонстрировал. Лучшими вузами названы – МГУ, МГИМО, МГТУ, СПбГУ и ВШЭ. Выбор мест для обучения обуславливается (в порядке убывания): квалификацией преподавателей; высоким уровнем подготовки студентов по специальности; доступной стоимостью обучения; наличием бюджетных мест; возможностью без проблем найти работу после учебы; хорошей технической базой вуза; отсутствием коррупции или взяточничества; наличием общежития; престижем вуза; возможностью международных стажировок [25].

Сегодня перемещение в рамках образовательной миграции сокращается достаточно значительно (даже с учетом «демографической ямы» до 2024 г. и падением интереса к высшему образованию). Поэтому слова Президента РФ, сказанные в очередном Послании Федеральному Собранию, о необходимости «серьезно, с участием бизнеса, работодателей заняться развитием университетов и вузов в регионах», соответствующим образом и действительно проведенные в жизнь, окажут влияние и на формы, и на объемы образовательной миграции [26]. И в этом смысле небезынтесным представляется проект новой «архитектуры» высшего образования, изложенный на «Вузпромэкспо – 2019» А. Зарубиным. Он отметил: «По новой концепции вузы поделят ниши конкуренции: их стратегия должна быть направлена либо на регион, либо на международный уровень. <...> В этой системе в каждом треке есть золотой, серебряный и бронзовый стандарт. Самые успешные получают повышенные госзадания, преференции, финансы и возможности. <...> Это внутренние стимулы, которые система закладывает сама по себе. <...> Опорные университеты (которые будут подразделяться на опорные по субъектам и опорные по отраслям) должны будут, прежде всего, ориентироваться на трудоустройство выпускников, на запросы работодателей, на повышение квалификации. Они попадут в рамки национальной и региональной конкуренции. <...> Лидеры среди федеральных вузов могут попробовать свои силы в международной конкуренции <...> Дождуться помощи “отстающие” “моновузы”» [24].

В этих вариантах очевидно, что образовательная миграция будет продолжаться как устойчивый тренд в развитии образовательного пространства России, а национальный академический потенциал развиваться кластерным образом. Однако совершенно ясно, что «строительство» моделей, развивающих образовательную миграцию с эффективностью не только для индивида, но и для государства, требует применения политики инвестирования. Инвестирование в человеческий капитал, в формирование способного кадрового потенциала должно предшествовать и опережать инвестиции в развитие ресурсов, создаваемых для экономики. В развитии научно-образовательных центров, создаваемых в регионах с учетом местных интересов, эта идея заложена, как и заложена идея «удержания кадров». «Невоз-

вращениями» в родной регион сегодня становятся 80 % от числа всех уехавших учиться. В 2020 г. должны быть открыты несколько принципиально новых образовательных структур – специализированных учебно-научных центров (СУНЦ). В сочетании с тремя федеральными проектами (в рамках национального проекта «Наука») становится очевидным, что вполне возможен не только миграционный отток на учебу по траектории «периферия – центр», но и развитие региональной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Knight J. Updated the Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. № 33. P. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>.
2. Knight J. Higher Education in Turmoil: The Changing World of Internationalization. Rotterdam: Sense Publishers, 2008.
3. Gerhards J., Silke H., Sören C. Social and Transnational Human Capital. How middle and Upper – Class Parents Prepare Their Children for Globalization. London: Routledge, 2017.
4. Изгарская А. А., Черных С. И. Интернационализация науки и образования как глобальный процесс: миросистемный подход // Дискурс. 2019. Т. 5, № 6. С. 42–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-42-56.
5. Овчинникова Н., Зотова М., Гетманская А. Государственные программы образовательной мобильности в разных странах. 2019. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_International_Mobility_2019.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
6. Барбашина Э. В., Гуляевская Н. В. Дистанционное/электронное обучение: минимизация сложностей // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2997–3008. DOI: 10.15372/PEMW20190312.
7. Chernykh S. I., Parshykov V. I. Online Education in Russia as a Form of on-the-Spot Learning // International J. of Resent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, iss. 3. P. 8322–8327. DOI: 10.35940/ijrte.C6607.098319.
8. Костенко В. В. Теория миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, No. 3. С. 62–76.
9. Старикова А. В. Учебные миграции в регионах России как ступень урбанизации. Пример Ярославской области. URL: <https://conf.hse.ru/2019/program> (дата обращения: 22.12.2019).
10. Черных С. И. Образование как общественное и индивидуальное благо // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 1 (16). С. 17–26.
11. Chernykh S. I., Parshykov V. I., Panarin V. I. Transformation of Educational Subjects in terms of post-soviet Russia // 2 The International scientific-practical conference «Innovation in science, technology and the integration of knowledge», London, 27 Feb. – 2 Mar. 2015 / SCIEURO. London, 2015. P. 195–206.
12. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z» / НИУ ВШЭ, Ин-т образования. М., 2019 (Современная аналитика образования. №1 (22)).
13. Посыпкина А. Миграция за знаниями: сколько стоит высшее образование за границей // РБК. 2017. 5 сент. URL: <https://www.rbc.ru/money/05/09/2017/59ae5cd09a794765c1b6c8ae> (дата обращения: 17.01.2020).
14. Российский статистический ежегодник. 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
15. Российский статистический ежегодник. 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
16. Круглов А., Степовой Б. Билет к лейтенантским звездам. Минобороны возвращает абитуриентам военных училищ бесплатный проезд до мест сдачи экзаменов // Известия. 2018. 25 июня. URL: <https://iz.ru/758642/aleksandr-kruglov-bogdan-stepovoi/bilet-k-leitenantskim-zvezdam> (дата обращения: 21.01.2020).

17. Агранович М. В каких вузах России хотят учиться иностранцы // Рос. газ. 2019. 18 окт. URL: <https://rg.ru/2019/10/18/reg-cfo/v-kakih-vuzah-rossii-hotiat-uchitsia-inostrancy.html> (дата обращения: 17.01.2020).
18. Education at a Glance 2018: OECD Indicators. OECD. 2018. URL: <https://doi.org/10.1787/eag-2018-en> (дата обращения: 21.12.2019).
19. Жанбосинова А. С., Ахметова Г. М. Казахстан и Россия: вопросы интеграции высшей школы // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы / Ун-т при МПА ЕВРАЗЭС. СПб., 2017. Т. 1. С. 273–293.
20. Габдрахманов Н. К. Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Экономика. 2019. Т. 27, № 1. С. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17.
21. Миграция населения в России: тенденции, проблемы / В. Трубин, Н. Николаева, С. Мякишева, А. Хусаинова // Социальный бюллетень. 2018. № 11. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (дата обращения 17.01.2020).
22. Губернаторов Е. Российские школьники стали чаще выбирать техникумы // РБК. 2019. 13 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaaa629a7947d6d4e0a537> (дата обращения 17.01.2020).
23. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. 2017. 25 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения: 17.01.2020).
24. Мищенко Е. Красота среди бегущих: что ждет высшее образование // Indicator: сайт. 2019. 31 дек. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/reportazh-vuzpromexpo.htm> (дата обращения: 17.01.2020).
25. Россияне назвали пять лучших вузов страны // Interfax: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/692450> (дата обращения: 17.01.2020).
26. Помочь тем, кому труднее. Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию // Рос. газ. 2020. 15 янв. URL: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 17.01.2020).

Информация об авторах.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2, Новосибирск, 630114, Россия. Автор 87 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук (2012), заведующий кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор 152 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования, логика, теории глобализации и информатизации, миросистемный подход. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2chernyx@mail.ru

REFERENCES

1. Knight, J. (2003), "Updated the Definition of Internationalization", *International Higher Education*, no. 33, pp. 2–3. DOI: <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>.

2. Knight, J. (2008), *Higher Education in Turmoil: The Changing World of Internationalization*, Sense Publishers, Rotterdam, NLD.
3. Gerhards, J., Silke, H. and Sören, C. (2017), *Social and Transnational Human Capital. How Middle and Upper – Class Parents Prepare Their Children for Globalization*, Routledge, London. UK.
4. Izgarskaya, A.A., Chernykh, S.I. (2019), "The Internationalization of Science and Education as a Global Process: a World-System Approach", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 42–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-42-56.
5. Ovchinnikova, N., Zotova, M. and Getmanskaya, A. (2019), *Gosudarstvennyye programmy obrazovatel'noi mobil'-nosti v raznykh stranakh* [State educational mobility programs in different countries], available at: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_International_Mobility_2019.pdf (accessed 22.12.2019).
6. Barbashina, E.V. and Guljaevskaja, N.V. (2019), "Distance/e-learning: minimization of difficulties", *Professional education in the modern world*, vol. 9, no. 3. DOI: 10.15372 / PEMW20190312.
7. Chernykh, S.I. and Parshykov, V.I. (2019), "Online Education in Russia as a Form of on-the-Spot Learning", *International Journal of Resent Technology and Engineering*, vol. 8, iss. 3, pp. 8322–8327. DOI: 10.35940/ijrte.C6607.098319.
8. Kostenko, V.V. (2014), "Theory of migration: from assimilation to transnationalism», *The Journal of Sociology and Social Antropology*, vol. XVII, no. 3, pp. 62–76.
9. Starikova, A.V. (2019), "Educational migration in the regions of Russia as a stage of urbanization. An example of the Yaroslavl region", available at: <https://conf.hse.ru/2019/program/> (accessed 22.12.2019).
10. Chernykh, S.I. (2015), "Education as a public and individual good", *Professional education in the modern world*, no. 1 (16), pp. 17–26.
11. Chernykh S.I., Parshykov V.I. and Panarin V.I. (2015), "Transformation of Educational Subjects in Terms of Post-soviet Russia", *2 the International scientific-practical conference "Innovation in science, technology and the integration of knowledge"*, London, UK, 27 Feb. – 2 Mar. 2015, pp. 195–206.
12. Bogacheva, N.V. and Sivak, E.V. (2019), *Mify o "pokolenii Z". Seriya: Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Myths about "Generations Z". Series: Modern Education Analytics], National Research Univ. Higher School of Economics, Institute of Education, Moscow, RUS.
13. Posypkina, A. (2017), *Migratsiya za znaniyami: skol'ko stoit vyssee obrazovanie za granitsej* [Migration for knowledge: how much higher education costs abroad], *RBK*, 5 Sept., available at: <https://www.rbc.ru/money/05/09/2017/59ae5cd09a794765c166c8ae> (accessed 17.01.2020).
14. Russian Statistical Yearbook (2017), *ROSSTAT*, Moscow, RUS, available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (accessed 21.01.2020).
15. Russian Statistical Yearbook (2018), *ROSSTAT*, Moscow, RUS, available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (accessed 21.01.2020).
16. Kruglov, A. and Stepovoi, B. (2018), *Bilet k leitenantskim zvezdam. Minoborony vozvrashchaet abiturientam voennykh uchilishch besplatnyi proezd do mest sdachi ekzamenov* [A ticket to the lieutenant stars. Defense Ministry returns military school entrants free travel to exams], *Izvestiya*, 25 Jun., available at: <https://iz.ru/758642/aleksandr-kruglov-bogdan-stepovoi/bilet-k-leitenantskim-zvezdam> (accessed 21.01.2020).
17. Agranovich, M. (2019), *V kakikh vuzakh Rossii khotyat uchit'sya inostrantsy* [In what universities of Russia do foreigners want to study], *Rossiyskaya Gazeta*, 18 Sep., available at: <https://rg.ru/2019/10/18/reg-cfo/v-kakih-vuzah-rossii-hotiat-uchitsia-inostrancy.html> (accessed 17.01.2020).
18. Education at a Glance 2018: OECD Indicators (2018), *OECD*, available at: <https://doi.org/10.1787/eag-2018-en> (accessed 21.12.2019).
19. Zhanbosinova, A.S. and Akhmetova, G.M. (2017), "Kazakhstan and Russia: issues of higher school integration", *Evraziiskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy* [Eurasian integration: sources, problems, prospects], vol. 1, pp. 273–293.

20. Gabdrakhmanov, N.K. (2019), "The concentration of students in higher education on the map of the Russian Federation", *RUDN Journal of Economics*, vol. 27, no. 1, pp. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17.

21. Trubin, V., Nikolaev, N., Myakishev, S. and Khusainov A. (2018), *Migratsiya naseleniya v Rossii: tendentsii, problemy. Sotsial'nyi byulleten'* [Population migration in Russia: trends, problems. Social Newsletter], no. 11, available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (accessed 17.01.2020).

22. Gubernatorov, E. (2019), *Rossiiskie shkol'niki stali chashche vybirat' tekhnikumy* [Russian schoolchildren began to choose technical schools more often], *RBK*, 13 Nov., available at: <https://www.rbc.ru/society/13/11/2019/5dcaaa629a7947d6d4e0a537> (accessed 17.01.2020).

23. Ivahnyuk, I.V. (2017), *Predlozheniya k migratsionnoi strategii Rossii do 2035 goda* [Proposals for the migration strategy of Russia until 2035], 25 Sept., available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (accessed 17.01.2020).

24. Mishchenko, E. (2019), *Krasota sredi begushchikh: chto zhdet vysshee obrazovanie* [Beauty among the runners: what awaits higher education], *Indicator*, 31 Dec., available at: <https://indicator.ru/humanitarian-science/reportazh-vuzpromexpo.htm> (accessed 17.01.2020).

25. *Rossiyanе nazvali pyat' luchshikh vuzov strany* [The Russians named the five best universities in the country], (2020), *Interfax*, available at: <https://www.ru/russia/692450> (accessed 17.01.2019).

26. *Pomoch' tem, komu trudnee. V. Putin vystupil s Poslaniem Federal'nomu Sobraniyu* [To help those who are more difficult. V. Putin made an Address to the Federal Assembly], (2020), *Rossiyskaya Gazeta*, 15 Jan. №7 (8061), available at: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniyu.html> (accessed 17.01.2020).

Information about the authors.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy) (2015), Professor at the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Institute named after General of National Guard Troops, 6/2 Klyuch-Kamyshenskoye plateau str., Novosibirsk 630114, Russia. The author of 87 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, worldsystem approach, geopolitics, philosophy of education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>. E-mail: aizgarskaya@gmail.com

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Philosophy) (2012), Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agrarian University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of 152 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education, logics, theories of globalization and informatization, world-system approach. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>. E-mail: 2chernyx@mail.ru